

Когда докучливую бабу наконец выставили за дверь под улюлюканье толпы, Дин Тянь совсем не чувствовал радости. А ведь эта женщина едва не стала его тёщей.

— Хорошо, что я тогда не женился на старшей дочери семейства Чэнь, — парень отёр пот со лба. — С такой тёщей я бы и дня не протянул.

О несостоявшейся помолвке Дин Тяня со старшей дочерью Чэней знала добрая половина города. Всё потому, что в своё время Чэнь Лаода не упускал случая похвастаться на каждом углу: мол, сам начальник тюрьмы ему в зятя метит! После таких речей всякий обыватель невольно проникался к нему уважением и даже лёгким страхом.

Зато теперь Чэни и вовсе возгордились. Шутка ли — заполучили в зятя целого сюая! Молодой господин Гао метил высоко: в будущем он наверняка сдаст экзамены на цзюйжэня, затем на цзиньши и станет важным столичным чиновником.

Если рассудить здраво, такая партия действительно выглядела куда заманчивее союза с простым тюремщиком, так что корыстных Чэней можно было понять. И всё же... Одно дело — понимать умом, и совсем другое — мириться с подобным свинством. В глазах горожан Чэни выглядели жадными до денег лицемерами. Стоило старому смотрителю тюрьмы отойти в мир иной, как они тут же завели волюнку с расторжением помолвки. Два года мотали парню нервы, пока наконец не добились своего. А едва разорвав старый уговор, без лишних проволочек и тени смущения выдали девку за Гао-сюая. Поступили подло, в открытую выказав пренебрежение.

Вот только люди из деревни семьи Дин не позволяли вытирать о себя ноги. К тому же Дин Тянь унаследовал должность отца и теперь сам служил начальником тюрьмы при уездной управе — статус не намного ниже, чем у какого-то там сюая. Разница лишь в том, что у книжника впереди сияли карьерные перспективы, а у надзирателя... Ну куда ему расти? Разве что перевестись на такую же должность в управу префектуры.

— И то верно, радуйся, что пронесло! — поддакнул кто-то из зевак.

Местные, конечно, прекрасно знали всю подноготную этой истории. Сегодня они вступились за Дин Тяня лишь потому, что Чэни переступили все границы приличия. Но рассчитывать, что они и дальше будут поддерживать парня против заносчивых Гао, не стоило. Пусть Гао и слыли спесивцами, зато денег у них водилось куры не клюют.

Бедному с богатым не тягаться, а простому люду с чиновниками не спорить.

Таков вековой закон выживания для маленького человека.

— Так для кого стол накрывать, начальник Дин? Когда гостей ждать? Я подыщу для вас уютную отдельную комнату, — вклинился в разговор трактирщик.

— Да двух товарищей по службе угостить хочу. Ближе к вечеру зайдём, как смену сдадим, — ответил Дин Тянь.

Разобравшись с залогом, он поспешил обратно в управу.

Вернувшись, он коротко переговорил с Чэн Да и Лю Сэнем, окончательно договорившись о встрече. Но прежде чем самому отправиться на пирушку, следовало накормить трёх его подопечных в подземной камере.

На ужин снова предназначались пампушки из двух видов муки — маньтоу. Этого добра у Дин Тяня пока хватало: вторая тётушка напекла ему сотни три про запас. Хранились они прямо на улице — благо, северная зима превращала весь двор в один сплошной ледник. Достаточно было занести охалку промёрзших маньтоу в тепло и хорошенько разогреть на пару — вот и готовое сытное блюдо.

На севере зимой улица заменяет любой ледник. Стоит выставить что-то за порог, как оно тут же превращается в монолитный кусок льда.

К хлебу прилагалась тушёная капуста с ломтиками солёной свинины, а также по большому кувшину горячего взвара на каждого. Заметив в котелке остатки вчерашней каши из проса и риса, тюремщик не стал мудрствовать лукаво: просто плеснул туда воды и сварил жидкую похлёбку.

Ужин получился простым, но сытным. Всё-таки горячая пища с наваристым жирком и солью — великое благо в зимнюю стужу. Раскладывая еду по мискам, Дин Тянь проявил избирательность. Ху Мацзы досталась почти одна капуста, на которую он небрежно бросил всего два сиротливых кусочка солонины.

Зато Ван Цзо получил щедрую порцию мяса, где овощи служили лишь скромной добавкой. Ван Юдэ же досталось поровну и того, и другого.

Разнеся миски по камерам, он переждал около часа, после чего собрал пустую посуду, оставил узникам горячую воду и предупредил на прощание:

— Ну, я ушёл ужинать. Если что-то понадобится, терпите до моего возвращения. Можете даже не надрываться с криками — вас всё равно никто не услышит. Не забывайте, это крыло для особо опасных преступников!

На лицах троицы отразилась весьма причудливая смесь эмоций. Уж больно двусмысленно прозвучали эти слова. Обычно подобные речи ведут разгульные повесы, зажимая в тёмном углу смазливых девиц.

Вот только перед Дин Тянем сидели вовсе не робкие барышни, да и сам он с его безусым юным

лицом мало походил на коварного соблазнителя. Впрочем, решив, что выразился предельно ясно, парень без лишних раздумий зашагал к выходу.

Он последовательно запер все тяжёлые двери, ведущие в подземелье, тщательно проверяя надёжность каждого засова. Покинув тюремный корпус, Дин Тянь закрыл наружные ворота, переоделся в чистое платье, запер на ключ дверь своей каптёрки и поспешил в трактир.

Его товарищи уже сидели за столом, весело болтая под хруст жареного арахиса и чарочку крепкого вина. Молодой тюремщик с порога извинился за опоздание, на что друзья лишь замахали руками — пустяки, мол. Трактирщик тем временем уже распорядился подавать горячее.

— Ну как там твоя троица? Смирно себя ведут? — поинтересовался Чэн Да. — Не пытаются зубы заговаривать или права качать?

— Да куда они денутся, притихли, — усмехнулся Дин Тянь. — Всё-таки я здесь хозяин, а они — колодники.

— И то ладно. Но с этим рябым Ху держи ухо востро. Говорят, на его счету не одна загубленная душа, лютый головорез. Ближе к решётке не подходи, — напутствовал его Лю Сэнь. А затем вполголоса спросил: — Кстати, господин уездный судья с тобой насчёт этих арестантов ещё не беседовал?

— Нет, — Дин Тянь даже растерялся от неожиданного вопроса. — Пока тишина.

<http://bllate.org/book/19387/1997477>